

Miroslaw Warcholek

Uniwersytet Pedagogiczny im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie

**Лексемы: „война”, „борьба” и их употребление
в современном русском языке**

Общественно-ролитический феномен „война” выполняет значительную роль в русской языковой картине мира. Языковая картина мира характеризуется как универсальными, так и собственными качествами. Данной теме посвящены отдельные исследования в области философии, социологии, психологии, истории, политологии. Особенно концепт „война” пользуется популярностью, так как он жив в сознании жителей стран, на территории которых ведутся военные действия, например в России и Чечне.

Целью статьи и когнитивной интерпретации „войны” является представление фрагмента действительности концептуализатором¹. Концептуализация – это один из важнейших процессов познавательной деятельности человека. Он заключается в осознании воспринимаемой информации и образовании концептов, концептуальных структур и целой концептуальной системы в человеческой психике (Waszakowa: 2004; 197).

В качестве предмета исследований рассматриваются семантические поля анализируемого концепта в общем пользовании. Материал становятся данные из русских толковых словарей, сопоставленные с повседневным употреблением данной лексики в военной литературе, газетах и журналах. Учитываются военные рассказы, созданные писателями и непосредственными участниками военных действий: солдатами, командирами, свидетелями вооруженных нападений. Литературой послужили тексты: Г. Трошева, В. Горбана, В. Косарецкого, В. Шурыгина, Д. Бутова, А. Савалева и других. Языковым олицетворением концепта „война” используется лексических и фразеологических единиц и созданные на их основе модели метафорических, то есть различные аспекты концепции „войны”.

¹ Концептуализатор – иначе наблюдатель, адресат или адресант, понимающий значения высказываний. Концептуализатор может быть, но не обязательно, создателем нового выражения (Langacker 1995: 66–67).

На основе анализируемого материала видно, что концепт „война” представляет собой сложное умственное понятие, отражающее различные типы языковых единиц. Он также характеризуется национальной спецификой: это культурный и языковой концепт (обладает образowymi, понятийными и оценочными чертами).

Война и все лексемы, определяющие это явление, широко отражены в российской картине мира. При анализе данного концепта, внимание обращается на следующие факторы:

предметно-образовую сторону концепта – обобщенную картину конфронтацию сторон конфликта,

аксиологическую сторону концепта – общепринятые в обществе эксплицитные и имплицитные нормы.

Чеченская война была и остается дальше одной из важнейших проблем русского общества. Явление чеченской войны в последние годы получило очень богатую словесную интерпретацию. Видны некоторые закономерности связанные с описанием концепта. Лексема „война”, которая, казалось бы, наиболее подходящая для номинации происходящих в Чечне явлений, часто по разным причинам заменена другими языковыми знаками.

В русских толковых словарях лексема „война” представляется таким способом: *организованная вооружённая борьба между государствами или общественными классами*. В переносном значении „война”, это: *борьба, враждебные отношения с кем-чем-н.* (СРЯ: 1981). Евгеньева в своем словаре определяет лексему „война” вооруженной борьбой – точно такой, которая имела место в Чечне. Также в словаре под редакцией Кузнецова находим подобную дефиницию, в которой автор обращает внимание на проявление вооруженной силы по отношению к другой стране или социальной группе: *вооружённая борьба между государствами, народами, племенами и т.п., или общественными классами внутри государства (вооружённая борьба за государственную власть между классами и социальными группами внутри страны), (вооружённая борьба народа какого-л. государства, направленная на защиту своей независимости)* (БТСРЯ; 2001).

Более широкую дефиницию можно найти в Новом словаре русского языка. По мнению Ефремовой „война”, это: *вооружённая борьба, боевые действия между племенами, народами, государствами. Борьба, при которой используются средства экономического и идеологического воздействия. Состояние вражды между отдельными лицами или группами* (НСРЯ; 2000). Ученая слово „война” называет боевые действия, но подчеркивает фактор враждебности, ненависти между конкретными людьми или группами.

Применение лексемы „война” по отношению к ситуации в Чечне характерно для очевидцев и участников вооруженных действий. Е. Вурцели свой сборник рассказов „Пацифистское чтение” начинает своей дефиницией лексемы „война”:

Война - последний аргумент как правых, так и неправых. На войне кровь, грязь, страх. Но если попал на войну, по своей воле или по принуждению, то воюй. Не будь овечкой, пригнанной на заклание, будь хищником, способным постоять за себя. Человек может выбрать, кем ему быть. Воюй для того, чтобы выжить. Если не ты его, то обязательно он тебя (Вурцели).

Автор в вышеуказанной цитате представляет свои ассоциации с явлением войны. Слово „война“ в его творчестве приобретает новое значение. Значение слова зависит от ассоциации говорящего, а именно от его понимания данного понятия. Значения ассоциативные (коннотативные)² зависят от индивидуального восприятия, то есть обладают субъективным характером. Описывая значения слов, имеем в виду семантическую компетенцию говорящих на одном языке, факт сочетания определенных звуков с определенными классами явлений (Grzegorzczukowa: 1995; 54).

Концептуализатором в тексте является очевидец военных действий. Поэтому наблюдаем за точкой зрения участника сцены³. Война в данном контексте определяется с помощью метафоры: *последний аргумент правых и неправых* (виновных и невиновных), что указывает на отсутствие правил, регулирующих этот феномен. Война ассоциируется с кровью, грязью, страхом. С помощью визуальных стимулов влияет на человеческую психику. На войне надо руководствоваться принципом, сложившимся среди животных – приходится быть хищником, чтобы выжить.

У участников вооруженных действий нет проблем с применением лексемы „война“. Они пользуются этим языковым знаком, не думая о смысле:

Если говорить по отдельности об этой войне, о разных там операциях, вроде бы все понятно. А вот все собрать вместе, связать, чтобы всякое лыко в строку - это уж, видно, ваше дело, ученых. Одно только хочу сказать, не хотел я воевать, да вот и после войны героем себя не чувствую, хоть и наградами осыпан. Так что беспутное это дело – война (Таус).

У автора нет сомнений, что в Чечне идет война. Он принимал в ней участие, видел разного типа военные операции, что позволяет назвать его

² Таким же способом проблему коннотации описывает Ю. Апресян. По мнению ученого, коннотации (иначе семантические ассоциации), это элемент прагматики. Они являются отражением традиции и культурных представлений, связанных с данным словом. Ассоциации могут быть нетипичными и могут выступать значительные различия в значении для близких по значению слов, даже внутри одного языка (Apresjan 1980: 94).

³ Понятие сцены сочетается с категорией точки зрения. Концептуальное содержание выражений зависит от стадии проектирования сцены. Итак, семантическое значение выражения заключается не только в том, что было сказано, но также, в каком контексте, кто адресат, что связывает его с описываемой ситуацией (Przybylska 2004: 149–151).

наблюдателем и комментатором⁴ событий. По мнению Тауса, война, это „беспутное дело“. Автор высказывания не старается интерпретировать данного явления, оставляя его как материал для исследования для специалистов.

Как справедливо отмечает Вурцели, в публицистических высказываниях, влияющих на образование общественного мнения, языковой знак „война“ заменяется другими, или пропускается:

Война идет своим чередом. Именно война. Это политикам нужно выражаться корректно: „освобождение территории от бандформирований и установление конституционного порядка“. Для нас это война, и идет она на уничтожение. Уничтожение врага. Враг тот, кто поднял против тебя оружие. Война подразумевает гибель людей, их пленение (Вурцели).

Слово „война“ в этом тексте описывается с помощью коннотативного ряда: „уничтожение врага“, „гибель людей“, „пленение“, „оружие“. Значение лексемы „война“ определяется милитарными словосочетаниями, которые в данном контексте позволяют дефинировать этот языковой знак таким способом: уничтожение и гибель врага с помощью оружия.

Еще дальше в своих обсуждениях на тему войны пошел Косарецкий, который в своей передаче с поля сражения, под заглавием „Семь минут“, называет ее следующим словами:

Идет уже неизвестно какой год войны. Правда, войну жополизы из штаба называют контр террористической операцией, а нас федеральными войсками. Красивые, но пустые слова. Вот на ПХД стоит грязенький, что видно только глаза и зубы, жалкий, голодный со вчерашним подбитым дембелями глазом „мобутеец“, который с опаской смотрит в нашу сторону. Вот он – представитель федеральных войск объединенной группировки по восстановлению конституционного строя Российской Федерации в Чеченской республике. А? Как звучит? Звучит гордо. Только вот солдатику на это наплевать, лично он не понимает, что он тут делает, и ради чего ему все эти муки и пытки (Косарецкий).

Война в Чечне, это длительный феномен. Солдаты не знают точно, сколько лет идет, и какая цель военных действий. Адресант и одновременно наблюдатель чертит сенсорную картину: „война“ ассоциируется со сражающимися солдатами, а точно их внешним видом. Солдаты грязные, голодные, жалкие. Используя свою сенсорную память и определенные образы, концептуализатор заставляет читателя заполнить кадр. Помогают в этом лексему с отрицательным значением, которые вызывают у адресата негативные ассоциации, связанные с войной.

⁴ Наблюдатель, по мнению А. Кудры, это регистрирующий субъект. Иначе говоря, наблюдатель – это категория, связанная с чувственным восприятием реальной или вымышленной действительности. Комментатор в результате психических процессов, аксиологизирует описываемую действительность (Kudra 2004: 130–131).

Также генерал русской армии Трошев называет прямо трагические события на Кавказе „войной”:

Спустя почти тридцать лет знания, полученные в стенах училища, а затем и в двух академиях, пришлось применять не только в повседневной жизни, но и на войне. На войне - особенной во всех отношениях. На войне, которую армия вела, в силу объективных и субъективных обстоятельств, на своей территории против бандитов и международных террористов. На войне, которая проходила на моей родине. На войне, которая шла по особым правилам и не вписывалась, по большому счету, ни в какие классические схемы и каноны (Трошев).

Согласно мнению автора, война в Чечне особенная и нельзя вписать ее ни в какие рамы и схемы. Армия ввела эту войну вследствие возникнувшей ситуации – объективной и субъективной.

В публицистических высказываниях имеем дело с отсутствием слова „война”. Для описания чеченской кампании служат неполные словосочетания: „первая чеченская”, „вторая чеченская”, без существительного.

– Много твоих друзей погибло?

– Да, очень много, из бывших сослуживцев по дивизии Дзержинского. Когда **первая чеченская** началась, у нас только и было что похороны, девять дней, сорок дней... Много искалеченных (Литвиненко).

Обороты, в которых отсутствуют материальные экспоненты знака, репрезентируют так называемые нулевые формы⁵.

Словосочетания: „первая чеченская”, „вторая чеченская” это пример эллипсы, которая рассматривается как автосемантическая, контекстно независимая форма.

Как написал в своей работе Л. Мурзин, эллипса позволяет элиминировать с внешней, поверхностной структуры предложения лишние с информационной точки зрения словесные формы, что не влияет на содержание сообщения (Мурзин: 1984; 27).

Также С. Каролак считает эллипсу поверхностной структурой предложения. Эллипса в его понимании, это опущение элемента, который выступил уже в предыдущем контексте, или появится в последующем контексте. (Karolak: 1999; 142). Все-таки, в словосочетаниях „первая чеченская”, „вторая чеченская” чаще всего нет разъяснения в ближайших контекстах. Но, это сильно закрепленная в языковой картине структура, и не нуждается в материальной форме в виде лексема „война”. Опущение существительного влияет на уменьшение отрицательных эмоций, связанных с восприятием данного концепта.

⁵ По мнению А. Киклевича, к нулевым формам причисляются эллипса и компрессия, которые характерны для разговорной речи (Kiklewicz 2007: 90).

Эллиптические формы без лексемы „война” интерпретировать также можно как фигура „сокрытия”⁶. При таком подходе, эллипса способствует эвфемизация речи (Rokoszowa: 1994; 41).

Составной частью многих словосочетаний, служащих описанию войны, является лексема „борьба”. „Борьба”, это: *Рукопашная схватка двоих, в которой каждый старается осилить другого* (СРЯ; 1981). В Новом словаре русского языка находим подобное толкование слова „борьба”, но она рассматривает проблему в более широком плане. По мнению Ефремовой „борьба”, это также: *военные действия, сражение. Физическое сопротивление кому-л., чему-л. Усилия, деятельность, направленные на преодоление, искоренение чего-л. Взаимодействие противоположных сторон, черт, тенденций, внутренне присущих всем явлениям и процессам природы, общества и мышления, являющееся источником их развития (в философии). Столкновение противоположных общественных групп, направлений, течений, в котором каждая сторона старается одержать победу* (НСРЯ; 2000). В „Большом толковом словаре русского языка” Кузнецова, существительное „борьба” объясняется с помощью глагола „бороться” - *схватившись друг с другом, стараться повалить, положить на лопатки. Состязаться в чём-л., стараясь одержать победу. Активно действовать против кого-, чего-л., стремясь преодолеть или уничтожить; сопротивляться кому-, чему-л. Вступать в противоречие, сталкиваться* (БТСРЯ; 2001).

Как замечает Савальев, это власть предлагает сменить тон высказываний и заменить слово „война” лексемой „борьба”:

*...В конце мая т.г. Постоянные Комиссии обеих палат Верховного Совета СССР на своем совместном заседании под председательством секретаря ЦК КПСС депутата Разумовского Г.П. рассмотрели вопрос о практике применения Указа Президиума Верховного Совета СССР „Об усилении **борьбы с извлечением нетрудовых доходов**” в Чечено-Ингушской АССР... По возвращении из Москвы я обстоятельно доложил о характере обсуждения и принятом решении Президиуму Верховного Совета АССР с участием членов Правительства и председателей исполкомов районных и городских Советов народных депутатов республики (Савальев).*

Слово „борьба”, по отношению к чеченской, войне чаще всего выступает в официальных документах, таких как указы президента. Благодаря этому оно стало главной лексемой, служащим для определения вооруженного конфликта в Чечне:

*Ельцин заявлял, что в Чечне „войны как таковой, с применением авиации, артиллерии, нет — есть **борьба с терроризмом, бандитизмом**”. Как таковой борьбы не было, хотя и авиация, и артиллерия применялись (Савальев).*

По сравнению с лексемой „война”, слово „борьба” характеризуют немножко другие коннотативные особенности, так как „борьба” не ассоциируется

⁶ Категория сокрытия, молчания характерна для философии Хайдеггера и Витгенштейна (Bremer 2002: 123–152).

с применением оружия. Этот языковой знак обладает более положительным оттенком, чем слово „война” – особенно в сочетании с другими лексемами. В текстах о чеченской войне очень часто „борьба” ведется за правильные идеи. Прежде всего, это: „борьба с терроризмом”, „борьба за правое дело независимости”, „борьба с преступностью”.

В сентябре 2002 года Калининградское издательство „Янтарный сказ” готовит к изданию книгу Валерия Горбаня „Чеченский шрам” в которую войдут повести и рассказы о чеченской кампании 1995–1996 года и произведения из цикла „Сыск вечен”, основанные на реальных событиях из жизни магаданского уголовного розыска и подразделений по борьбе с организованной преступностью (Горбань).

В русском языке лексема „борьба” сочетается с вопросами: „с чем”, „за что”⁷. В зависимости от ситуации и употребленной конструкции, слово „борьба” может получить позитивный оттенок значения:

А [„борьба” (с чем) + лексема с отрицательным оттенком значения = положительное значение]

В [„борьба” (за что) + лексема с положительным оттенком значения = положительное значение].

Лексема „борьба” (с чем) часто сочетается со словосочетаниями, ассоциирующимися неприятно: „организованная преступность”, „терроризм”, „бандитизм”. Благодаря такому сопоставлению, целое высказывание воспринимается положительно, потому что борьба со злом в славянской культуре всегда получала одобрение общества. Неважными становятся средства, на первый план выдвигается законная цель:

Местные власти ряда городов и регионов попытались воспользоваться ситуацией, чтобы решить некоторые проблемы наведения общественного порядка и борьбы с преступностью (Шурыгин).

Так, впервые в истории советского государства депутат Верховного Совета СССР [...] стал министром нефтехимической промышленности СССР, другой профессор [...] был избран первым заместителем [...], генерал-майор милиции [...] возглавил в российском парламенте Комитет по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью. В Чечне активно шел процесс формирования новой национальной элиты. Ее основу составили представители интеллигенции, видные деятели науки, культуры, искусства, спорта... (Савельев).

„Борьба” (за что), сопоставленная в одном предложении с положительными лексемами, тоже ассоциируется позитивно:

Безоговорочные симпатии журналистов канала к тем, кто, по словам Павла Лусканова, “никогда и дня не находился в составе России и не жил по советским или российским законам”, сменились косвенной пропагандой чеченской сецессии, когда в качестве комментаторов по теме стали выступать

⁷ Аналогичную ситуацию наблюдаем в польском языке: „walka” z czym, o co.

отставные чеченские политики или общественные активисты, которые благополучно проживают в Москве и продолжают вести борьбу за “правое дело независимости” (Тишков).

В данной парадигме „борьба”, представляет собой действия, нужные для восстановления независимости. В данном контексте лексема „борьба” влияет на положительное восприятие целого высказывания.

Также Чеченцы очень часто пользуются лексемой „борьба” для описания политико-общественной ситуации⁸, происходящей на своей территории. Все-таки для Чеченцев, это: „национально-освободительная борьба”, „борьба против империи”:

Мощная трансформация ближнего внешнего образа произошла уже после войны, когда официальные представители северокавказских республик и многие симпатизирующие “национально-освободительной борьбе” отпраздновали вступление в должность президента Чечни Аслана Масхадова (Тишков).

Чеченская война, это борьба за национальное освобождение, поэтому чеченское общество, связывая с ней большие надежды, отмечает только ее хорошие стороны:

„Чеченцы - это ударный отряд борьбы против последней империи, а я себя посвятил этому делу и поэтому я вместе с ними. В этой борьбе вся моя жизнь”, - так изложил свою личную историю миротворца Андрей на одном из заседаний (Tamże).

Автор текста называет Россию с помощью метафоры „последняя империя”. Здесь встречаемся с зашифрованным намеком на великие империи, которые в определенный исторический момент упали: Рим, Византия и т.д. Чеченская война способствует распаду Российской империи.

Как замечают участники военных операций, сейчас в России более распространенным становится стремление к замене лексемы „война” другими. Это служит смене эмоционального оттенка. В газетах, выступлениях политиков встречаемся со следующими словосочетаниями: „разоружение незаконных бандформирований”, „восстановление конституционного порядка”, „борьба с терроризмом”, „борьба за правое дело независимости”, „борьба с преступностью”, „конфликт”, „национальная революция”, „чеченский кризис”, „чеченская кампания”, „чеченское сопротивление”, „чеченский сценарий”, „восстановление исторической справедливости”.

⁸ Ситуация, построенная концептуализатором, связана со степенью ее детализации, а также схематизации. Схематизация является способностью распознавать ситуацию на разных уровнях абстракции (Waszakowa 2004: 203).

Литература предмета

- Apresjan J., *Semantyka leksykalna. Synonimiczne środki języka*, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk 1980.
- Bremer J., *Martin Heidegger i Ludwig Wittgenstein o milczeniu* [w:] *Forum Philosophicum* 7, Kraków 2002.
- Karolak S., *Elipsa* [w:] *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*, pod red. K. Polańskiego, Wrocław–Warszawa–Kraków 1999.
- Kiklewicz A., *Zrozumieć język. Szkice z filozofii języka, semantyki, lingwistyki komunikacyjnej*, Łask 2007.
- Kudra A., Językowe wyznaczniki obserwatora w tekście literackim (na przykładzie „Granicy” Zofii Naukowskiej), [w:] *Punkt widzenia w języku i kulturze*, pod red. J. Bartmińskiego, S. Niebrzegowskiej-Bartmińskiej i R. Nycza, Lublin 2004.
- Langacker R., *Wykłady z gramatyki kognitywnej*, pod red. H. Kardeli, Lublin 1995.
- Grzegorzczak R., *Wprowadzenie do semantyki językoznawczej*, Warszawa 1995.
- Przybylska R., *Kategoria punktu widzenia w badaniach nad relacjami przestrzennymi w języku*, [w:] Jerzy Bartmiński, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Ryszard Nycz, *Punkt widzenia w języku i w kulturze*, Lublin 2004.
- Rokoszowa J., *Milczenie jako fakt językowy* [w:] *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*, z. L, Kraków 1994.
- Waszakowa K., *Punkt widzenia konceptualizatora jako kategoria kognitywnego opisu derywatyw słowotwórczych*, [w:] *Punkt widzenia w języku i kulturze*, pod red. J. Bartmińskiego, S. Niebrzegowskiej-Bartmińskiej i R. Nycza, Lublin 2004.
- Мурзин Л. Н., *Основы дериватологии*, Пермь 1984.

Словари

- БСРЖ** – Большой словарь русского жаргона, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Санкт-Петербург 2001.
- БТСРЯ** – Большой толковый словарь русского языка, С. А. Кузнецов, Санкт-Петербург 2001.
- НСРЯ** – Новый словарь русского языка, Т. Ф. Ефремова, Москва 2000.
- СРЯ** – Словарь русского языка, А. П. Евгеньевая, Москва 1981.
- ТСРЯ** – Толковый словарь русского языка, *С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова*, Москва 1999.

Lexemes "war", "battle" and their use in the modern russian language

Abstract

The notion of "war" plays a crucial role in Russian linguistic worldview. On the basis of the material analyzed, one can observe that the concept of "war" represents a complex mental product which is reflected in various types of linguistic units. The purpose of cognitive interpretation of "war" is presenting how the conceptualizer formulates such a fragment of reality.

Semantic fields of the analyzed concept as used in everyday contexts constitute the theme of the paper. Material used was extracted from Russian dictionaries with explanations and confronted with everyday use of given lexis in war literature and periodicals.

In recent years, the notion of Chechen War became strongly lexicalized. One can observe certain regularities connected with describing the concept. The neutral lexeme "war" in specific conditions is substituted with a softer linguistic sign of "battle". The latter may have positive connotations if we consider righteous cause and ultimate values.

Słowa kluczowe: wojna, walka, konceptualizacja, koncept, leksem, językowy obraz świata

Key words: war, fight, conceptualization, concept, lexem, linguistic picture of the world